

Феохарий Кессиди - известный российский философ, академик Он родился в Грузии, в 1945 году окончил философский факультет МГУ, где защитил кандидатскую и докторскую диссертации по древнегреческой философии. В течение более чем двух десятков лет преподавал в различных вузах Москвы, был профессором - консультантом в институте философии АН СССР. Академик Кессиди автор свыше 250 научных трудов по проблемам древнегреческой философии, генетики человека, советологии, русской философской мысли и т.д., которые были переведены на многие европейские языки.

Предлагаем вашему вниманию приложение к книге " К проблеме "греческого чуда", в свое время любезно предоставленную мне г-ном Феохарием Кессиди для публикации.

По глубине охвата исторической значимости этого непревзойденного периода VI-V веков до н.э. в греческой истории монография является одной из самых содержательных в плане раскрытия истинных причин расцвета греческой цивилизации того периода. Ведь „золотой век" Перикла в Афинах в истории человечества считается высшим расцветом демократии. И благодаря свободе греков и их подлинной демократии стало возможным и „греческое чудо".

Яннис Кесисов

Афинское государство (свободное население которого составляло около двухсот тысяч человек) "только за одно столетие (5 век до н. э.) дало человечеству таких гениальных "спутников" его истории и культуры, как Сократ и Платон, Эсхил, Софокл, Еврипид и Аристофан, Фидий и Фукидид, Фемистокл, Перикл, Ксенофонт, Геродот". Этот феномен, названный "греческим чудом", и по сей день ждет "своего объяснения".

На поставленный вопрос, по поводу которого в XIX веке исследователи ограничивались общей ссылкой на одаренность древних греков, попытался дать обстоятельный ответ советский ученый А. И. Зайцев в своей книге "Культурный переворот в Древней Греции 8 - 5 вв. до н. э."

Согласно концепции А. И. Зайцева, "общей причиной" радикальных сдвигов в культуре греков, позволивших говорить о "греческом чуде", явилось "распространение железа и связанных с этим социальных потрясений". Бесспорно, выплавка железа, как и выращивание картофеля, играли и играют большую роль в экономической жизни народов мира, тем не менее "взрыв интеллектуальной энергии" в Греции 6 - 5 вв. до н. э. невозможно объяснить "диффузией железа", как и возникновение, например, марксизма потреблением картофеля.

А И. Зайцев поставил себя в затруднительное положение тем, что исключил из своего исследования такое ключевое, на наш взгляд, понятие, как национальный характер, на том основании, что само это понятие нуждается в объяснении. Более того, оспаривая гипотезу о природной одаренности древних греков, пришел к выводу о том, что одаренность последних являлась результатом исключительно благоприятных социальных условий, и особенности установления демократического строя. Однако сложность проблемы в том и состоит, что благоприятные условия, в том числе демократия, складывались не помимо воли и сознания древних греков вне их национального характера, их ценностных ориентации и активной целенаправленной деятельности. Иначе не было бы проблемы.

Историю делают сами люди. Однако они делают историю не так, как им вздумается, а лишь сообразуясь со сложившимися обстоятельствами и своими возможностями. Иначе говоря, исторический процесс не предопределяется произвольными намерениями и желаниями людей.

Каждая нация отличается только ей одной присущим сочетанием и соотношением темперамента, типа мышления и мировосприятия. И если задача заключается в раскрытии причин "греческого чуда", то ясно, что без установления отличительных черт национального характера древних греков, и прежде всего афинян, нам не обойтись. Да и сам А. И. Зайцев, вопреки своей концепции, выдвигает в качестве "предварительных условий" факты (жизнеутверждающий настрой греков, их атональный дух, повышенную чувствительность к одобрению и порицанию своих поступков со стороны окружающих и т.п.), которые на деле являются чертами национального характера.

Во всей истории человечества, пожалуй, не было и нет народа, более всего проникнутого атональным (состязательным, соревновательным, полемическим) духом во имя стяжания славы, чем древние греки. Состязательность пронизывала почти все стороны жизни и деятельности последних, будь то публичное обсуждение законов или Олимпийские игры, театральные постановки или судебные тяжбы. У древних греков сами боги состязаются. Более того, согласно греческой мифологии, наблюдаемый миропорядок возник в результате победы Зевса над Кроном, а затем над титанами. В честь этой славной победы бессмертный Зевс повелел устроить состязания смертных людей в Олимпии в знак почитания богов и их местопребывания на горе Олимпе. Установка на агон четко обозначена и в гомеровском эпосе, в родоплеменном периоде греческой истории. "Всегда первенствовать и превосходить других" - читаем мы в "Илиаде" Гомера. Известно, что слава Мильтиада не давала спать честолюбивому Фемисток-лу. Философ Гераклит из Эфеса, объявив борьбу источникам всего происходящего, сказал, что *"лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу - тленным вещам"*. А его согражданин Герострат, горя желанием приобрести известность, поджег храм Артемиды Эфесской (одно из "семи чудес света").

Погоня греков за славой и обретением бессмертия в памяти поколений была одним из ярких проявлений их острого чувства "скоротечности" человеческой жизни и неумолимого желания преодолеть смерть. Отсюда и обостренное у эллинов чувство истории, их склонность к увековечиванию временного, к извлечению (можно сказать, спасению) людей и их деяний из неотвратимого потока времени. "Отец истории" Геродот начинает свой труд с мысли о том, чтобы "...прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления, достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...". Платон вскрыл наиболее глубокие корни одержимости эллинов к стяжанию "бессмертной славы".

Для древних греков славное имя было нетленным, непреходящим, ценное (точнее, бесценное) само по себе, оно не покупается и не продается, славное имя превосходит всякую материальную награду. Согласно легенде, когда Фалеса из Милета спросили, какой награды он желал бы за свое математическое открытие, он заявил, что самой большой наградой было бы для него сохранение в памяти поколений именно его имени как автора этого открытия, а не кого-либо другого. Приоритет, которым дорожил Фалес, свидетельствует о преобладании у греков духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Говоря о мудрости как о знании, Аристотель замечает - "... Анаксагора и Фалеса и им подобных признают мудрыми, а рассудительными нет, так как видно, что своя собственная польза им не ведома". Аристотель продолжает в том смысле, что мудрые ведают о предметах исключительных и достойных удивления, сложных и божественных, но бесполезных, ибо "человеческое благо они не исследуют". Если верить древним авторам, мудрыми считались Фалес, который открыл теорему, согласно которой во всяком равнобедренном треугольнике углы при основании равны, а также Пифагор, который доказал теорему, носящую его имя. Правда, сам Пифагор мудрым считал Бога, а себя лишь тем, кто любит мудрость, влечется к мудрости ("философом").

Современному человеку, с его установкой на практическое использование достигнутых знаний крайне трудно понять древнего грека, ценившего знание ради знания, истину ради истины. Древние египтяне знали теорему Пифагора в качестве эмпирического знания, но лишь Пифагор теоретически доказал, что в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

Фалес и Пифагор были одними из первых, кто стал оперировать не только фактами и опытными сведениями, но также понятиями и категориями, т.е. мыслить теоретически.

Бесспорно, свойственные древним грекам дух соперничества и стремление к славе, требовавшие огромного напряжения духовных и физических сил, способствовали достижению многих выдающихся результатов в различных областях жизни и культуры. Древние греки были мудры, призывая соблюдать "меру во всем". Но сами они редко следовали этому разумному правилу, сказывались такие черты их характера, как

чрезмерная склонность к соперничеству, излишнее честолюбие и жажда славы.

Читая древнегреческих историков, в частности Фукидида, трудно отделаться от впечатления, что жизнь древнегреческих полисов (городов-государств) - это ожесточенная борьба партий, которая порой доходила до открытых столкновений, и почти непрекращающиеся раздоры и войны между ними, каждый из которых свою независимость ставил выше общегреческих интересов. В отличие от древних римлян древние греки - народ гражданской общины, но не государственный в собственном смысле слова. Во всяком случае, грекам так и не удалось объединиться в какую-либо форму государства, федеративную или конфедеративную, говоря в современных терминах. И совсем поражает в истории древних греков тот факт, что этот талантливейший из народов хладнокровно сам себя истреблял именно на почве соперничества партий и государств. Дух соперничества, стимулируя к активной деятельности и творческим поискам, является не только созидательным началом, но также и разрушительным. Злосчастная Пелопоннесская война, явившаяся, по пророческим словам Фукидида, великим бедствием для всех эллинов, - яркий тому пример. Говоря в духе историка Геродота, старинная болезнь греков - "любовь к несогласию" - погубила Элладу.

Наконец, отметим, что на политической арене греческих полисов чаще появлялись честолюбивые и своекорыстные демагоги (популисты, сказали бы мы сегодня), чем государственные деятели типа Аристиды или Перикла. Аристид в своей деятельности руководствовался "не стремлением к популярности и славе, но благом государства". Перикл же "не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им ... Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и потом был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами".

"Состязание в речах", говоря словами Платона, борьба мнений и свобода критики явились той идейно-духовной атмосферой, в которой родилась греческая философия и наука, в частности, диалектика как искусство доказывать и опровергать какой-либо тезис. Известно, что Ксенофан из Колофона резко отзывался о Гомере за то, что тот приписал богам все человеческие недостатки и даже пороки, а Гераклит Эфесский требовал даже "наказать" исполнителей стихов Гомера. Свобода была для греков признаком, отличающим их от остальных людей. Именно высокой оценкой свободы объясняется "сенсационное" во всем древнем мире (и не только в древнем) событие - победа маленьких городов-государств над персидским колоссом в греко-персидской войне. Да и надпись-изречение 3 века до н. э. гласит *"Среди людей лишь греки более всего ценят свободу"*.

Внешним выражением внутренней свободы греков явилась их демократия. Становление греческой демократии, начиная с "военной демократии" гомеровских времен, затем реформы Солона и Клисфена и, наконец, афинская демократия в "золотой век" Пери-кла - все это есть не что

иное, как этапы борьбы демоса греческих полисов за свободу, завоевания гражданских прав и установления демократического политического строя. Однако давно замечено, что нет достоинств без недостатков, более того, нередко недостатки представляют собой лишь продолжение наших достоинств. Я имею в виду тот факт, что предмет гордости греков - свобода (и основанная на ней демократия) нередко выходила, так сказать, "из своих берегов", порождая вседозволенность и, говоря словами Платона, "потребность" в тирании.

Впрочем, как политический строй демократия греков - явление редкое, если не сказать исключительное в древнем (и не только в древнем) мире. Можно сказать, что древние греки совершили нечто невероятное для своего времени, да и для последующих времен. Уверовав в свободу как в высшую ценность, они выбрали социально-политический строй, названный ими демократией. На демократическом пути развития они достигли успехов в различных сферах жизни и деятельности, которым нет равных в истории. Демократическая парадигма греков вдохновляла людей в период Возрождения и западноевропейских буржуазных революций. Она и поныне вселяет уверенность в человеческие возможности. По справедливому замечанию Ф. Энгельса, мы вынуждены каждый раз "возвращаться в философии, как и во многих других областях, к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечила ему в истории человечества место, на которое не может претендовать ни один другой народ". Мутация, обусловившая "универсальную деятельность" древних греков, уникальная, маловероятно, чтобы она могла повториться по воле случая.

Здесь хотелось бы коснуться генетических предпосылок необычайной одаренности древних греков, в особенности афинян. Речь идет об открытии функциональной асимметрии мозга. Установлено, что в левом полушарии локализовано логическое мышление, а в правом - художественное. "Среднестатистический" человек обладает обоими типами мышления, т.е. способами организации материала (словесно-знакового или образного), характером переработки информации. Иначе обстоит дело, когда мы сталкиваемся с художником, который мыслит по преимуществу образами, и ученым, для которого характерно мышление понятиями. "Левополушарное" мышление является дискретным и аналитическим, словом, логическим, которое довольно четко реагирует на противоречия в суждениях, чего нельзя сказать относительно художественного мышления, являющегося "правополушарным". Это и понятно, "правополушарное" мышление - образное, непрерывное и синтетическое, позволяющее одновременно "схватывать" единство как различий, так и противоположностей, обеспечивая тем самым целостность восприятия. В художественном образе воспроизводимое явление дано сразу, полностью и целиком.

Судя по всему, универсальная одаренность древних греков в том и состояла, что у них оба типа мышления были необычайно развиты. Этот факт - один из самых уникальных феноменов в истории человечества. И Платон

служит как бы олицетворением греческого гения. В личности и творчестве Платона совмещаются черты поэта и мыслителя, мечтателя и политика, умозрительного философа и родоначальника "идеального" государства - парадигмы всех последующих социальных утопий. Платон - несравненный стилист и тонкий диалектик, виртуозно оперирующий понятиями.

Как это ни парадоксально, но в "универсальной одаренности", в типе мышления греков, темпераменте и чертах характера – источник не только их успехов, но также и бед... Иначе говоря, древние греки – не баловни судьбы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить их с римлянами, в частности, сопоставить образ мышления и ценностные ориентации тех и других.

К примеру, спортивные игры греков были направлены по преимуществу на стяжение славы, приобретение известности, а не на военно-утилитарные цели. Римляне же, создавшие могущественную армию в древности и завоевавшие едва ли не весь известный в те времена мир, не только не увлекались атлетическими состязаниями, но даже рассматривали их как занятия, недостойные римлянина и воина. За крайне редкими исключениями, римские граждане не принимали участия и в столь популярных у них гладиаторских боях.

Как было уже отмечено, для многих греческих мыслителей самоценность знания, любознательность, словом "созерцательная жизнь", не связанная с утилитарными соображениями, являлась наилучшей формой жизни, ибо она посвящена познанию и поиску истины – высшему виду творческой деятельности. Римляне же, отличаясь практическим (рассудочным) складом ума, были далеки от философствования, считая его праздным занятием. Если Сократ, забросив все домашние дела, занялся поиском истины, особенно этических определений, то известный римский государственный деятель Катон Старший усердно занимался домашним хозяйством, восхваляя крестьянский труд и презирая философию. Неудивительно, что римляне преуспели в политике и юриспруденции.

Необычайный взлет фантазии эллинов дал миру замечательную по богатству и оригинальности мифологию, и то время как прозаичный подход к жизни римлян, надо полагать, не содействовал созданию более или менее разработанной мифологии. Древние эллины ставили театральные представления, где разыгрывались драмы, трагедии и комедии, римляне же, со свойственным им, так сказать, натуралистическим восприятием жизни, театру предпочитали цирк, где нередко происходили смертельные поединки гладиаторов или единоборства людей со зверями. Можно сказать, что греки были в известном смысле " витающими в облаках " мечтателями и теоретиками, занятыми отвлеченными проблемами, а римляне - суровыми реалистами и расчетливыми прагматиками. Они не изменяли себе даже тогда, когда обращались к греческой философии, заимствуя в основном только практическую ее часть – "учение о нравственности и государстве, т. е. то, что было ближе их национальному вкусу и к восприятию чего они были уже подготовлены своей собственной историей". Итак, греки, превосходя римлян в одном отношении, уступали им в другом. Эллины, давшие миру великих

философов и ученых, поэтов и художников, были на редкость высокоодаренным народом. Однако их исключительная одаренность не обеспечила им никаких преимуществ в исторической судьбе. Более того, римляне, казавшиеся менее интеллектуально одаренными, покорили эллинов, доказав своеобразное "превосходство" ориентированного на практику рассудка над теоретическим разумом. Мы берем слово "превосходство" в кавычки, ибо римляне одержали победу над эллинами во внешней социально-политической жизни, а не во внутренней сфере, т.е. в собственно культурной области. Именно это поражение имело своим последствием постепенное угасание в греческих полисах культурной жизни.

Если древние греки не сумели ответить на вызов истории, преодолев свой партикуляризм, полисную систему и потому в конце концов потерпели поражение, то римляне - народ государственный, более того - имперский. Завоевав все Средиземноморье и создав на почве беспощадной эксплуатации провинций своеобразное общество массового потребления, римляне стали народом-паразитом, требовавшим "хлеба и зрелищ". Неудивительно, что деградировавшие и разложившиеся в гедонизме римляне не могли устоять перед натиском "варваров" – германских племен.

Итак, в генетически и социально обусловленном национальном характере древних греков -первопричина как "греческого чуда", так и падения созданного ими мира . Перефразируя древнего Гераклита, можно сказать: ха- рактер народа – его судьба.

То обстоятельство, что до сегодняшнего дня никто из антиковедов не решился сделать предметом специального анализа феномен, названный "греческим чудом", можно объяснить не только (и, возможно, не столько) сложностью проблемы, сколько боязнью самопознания, боязнью, проистекающей из опасения впасть в какой-либо "идеологический грех" - расизм, европоцентризм и тому подобный "изм".